Дулина Надежда Васильевна, Наумов Игорь Николаевич, Шарапов Дмитрий Юрьевич

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ИЛИ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСАХ И ОГРАНИЧЕНИЯХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА)

Статья посвящена изучению социально-исторических процессов зарождения средневековых золотоордынских городов и развития городской культуры Нижнего Поволжья. Особо отмечается, что существенное влияние на урбанизацию оказывали местные природно-географические факторы волжских степей. Авторы акцентируют внимание на происходивших здесь социально-экономических и культурно-исторических трансформациях, отразившихся в "зеркалах" развития современных городов региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 44-52. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

V. CHORNOVOL AND ELECTION CAMPAIGNS TO THE SUPREME COUNCIL OF UKRAINE IN 1994 AND 1998

Vasilii Fedorovich Derevinskii, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Political Science
Kiev National University of Civil Engineering and Architecture, Ukraine
vasyldr@ukr.net

The author studies the political work of one of the greatest social-political and public figures of Ukraine of the 1990s V. Chornovol (1937-1999), in particular considers his participation in the elections to the Ukrainian Parliament of the second (1994-1998) and third (1998-2002) convocations, and comes to the conclusion that V. Chornovol's ideas of proportional electoral system introduction into parliamentary elections, the creation of right forces pre-election association for the parliament effective activity and the most complete representation of right forces in it are very significant.

Key words and phrases: People's Movement of Ukraine; Supreme Council of Ukraine; pre-election association; right forces; electoral system; parliament; elections.

УДК 94(470.44/47)
Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению социально-исторических процессов зарождения средневековых золотоордынских городов и развития городской культуры Нижнего Поволжья. Особо отмечается, что существенное влияние на урбанизацию оказывали местные природно-географические факторы волжских степей. Авторы акцентируют внимание на происходивших здесь социально-экономических и культурно-исторических трансформациях, отразившихся в «зеркалах» развития современных городов региона.

Ключевые слова и фразы: город; урбанизация; городская культура; социальная история; памятники и достопримечательности; археологические раскопки; ремесленные производства.

Надежда Васильевна Дулина, д. соц. н., профессор
Игорь Николаевич Наумов, к.и.н.
Кафедра истории, культуры и социологии
Волгоградский государственный технический университет
iks@vstu.ru

Дмитрий Юрьевич Шарапов, к.и.н.
Кафедра туризма и сервиса
Российский государственный университет туризма и сервиса (филиал) в г. Волгограде
vfmqus@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ИЛИ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСАХ И ОГРАНИЧЕНИЯХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА)©

В последнее время в социологии, социальной психологии и других смежных дисциплинах активно формируются научные представления о том, что масштабность и стремительность социальных трансформаций отдельных территорий страны во многом определяются уровнем социально-психологического комфорта (или дискомфорта) жителей конкретного региона (см., напр., [4-6; 12; 18; 22; 25; 26; 33] и др.). С этим трудно не согласиться. Однако, на наш взгляд, на социальное самочувствие жителей региона и скорость социальных изменений, происходящих в том или ином поселении, не меньшее влияние оказывает его социальная история, складывающаяся на протяжении веков. Данному тезису есть довольно-таки простое объяснение.

Понимание региона как социальной системы делает необходимым признание того, что он обладает всеми свойствами систем, общими из которых являются: целостность (эмерджентность), целенаправленность функционирования, иерархичность строения, сложность строения, вероятностный характер состояния и поведения, способность к самоорганизации. Частным случаем проявления обозначенных особенностей являются: способность выявлять и удовлетворять свои потребности или способность решать свои проблемы, способность к самообучению и саморазвитию. Мы понимаем регион как социальную систему, расположенную в конкретных условиях географического пространства, поскольку вероятность появления и скопления социально-значимых ролей региона зависит от наличия природных ресурсов, климата и т.д. Данное уточнение позволяет более корректно рассматривать социальное пространство региона в контексте важнейшей социологической проблемы социальных взаимодействий. Именно взаимодействия индивидуальных и/или коллективных агентов есть основной источник воспроизводства и изменений социального пространства региона.

© Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю., 2013

В социальном пространстве взаимодействия носят упорядоченный характер, что определяется позициями социальных агентов, степенью глубины социальных дистанций. Социальное пространство конструируется в процессе обмена социальными практиками, социально значимыми ресурсами и, следовательно, выступает «местосвершением» подобных обменов, в процессе которых объективируются социальные дистанции, подтверждаются либо изменяются позиции социальных акторов (более подробно см.: [11]). Об этом же в свое время, но другими словами писал русский ученый – эмигрант середины XX века И. А. Ильин: «Природа влияет на характер людей, на продовольствие страны, на ее промышленность; она определяет ее географические и стратегические границы…» [Цит. по: 29, с. 185].

Низовья Волги в силу географических и стратегических возможностей всегда привлекали внимание людей: об этом свидетельствует история заселения этих земель. Но вот, что интересно. История Волгограда словно разбивается Великой Отечественной войной, будто и не было вовсе событий предшествующих веков. Если обратиться к данным социологического исследования, выполненного Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик»[1] (при участии одного из авторов данной статьи), то можно получить подтверждение высказанному тезису. Так, около 78% опрошенных, отвечая на вопросы интервью, указали, что они хотя бы иногда испытывают чувство гордости за Волгоград. Как правило, предметом гордости являются события и эмоции, связанные с военной историей города, а также памятники Волгограда и спортивные достижения волгоградских спортсменов (см. Табл.).

Таблица.

Объекты гордости жителей Волгограда

Что именно в жизни современного Волгограда вызывает у вас чувство гордости за него?	Распределение ответов
Мамаев курган	16%
История	15%
Город-герой	10%
Памятники	10%
Спортивные достижения	8%
Война	6%
Люди	6%
Родной город	5%
Сталинградская битва	3%
Героизм	3%
Победитель	3%
Природа	2%
Набережная	2%
Благоустройство	2%
Патриотизм	1%

Как свидетельствуют данные, приведенные в Таблице, наиболее часто упоминаемыми «объектами гордости» являются Мамаев курган, а также статус «города-героя», события истории, а также памятники и достопримечательности, расположенные на территории города. Обобщая полученные данные, можно сказать, что сам Волгоград как памятник и является основным объектом гордости его жителей. Действительно, любой город – это памятник не только архитектуры, ландшафтного дизайна и т. д., но и памятник развития человеческой мысли, технологии, идеалов определенного времени… История Царицына - Сталинграда - Волгограда – ярчайший тому пример.

Кроме того, Волгоград часто называют перекрестком цивилизаций, для чего есть серьезные основания. Более того, город стал еще и точкой пересечения путей урбанизации региона. Однако, как нам представляется, для того, чтобы лучше понимать, почему для каждого конкретного города «кривая истории» проложила именно такую траекторию, необходимо помнить не только об истоках самого города, но и о тех «ограничениях», которые изначально (объективно) «отмерены» природой для данной территории, то, что обычно мы определяем как естественные условия жизни людей.

История города и городской жизни, начиная с самых первых примитивных поселений, которые можно определить как место проживания «древних горожан», и до наших современных городов, мегаполисов, сложных систем агломераций и конурбаций насчитывает всего пять-шесть тыс. лет. В истории, по меткому наблюдению австрийского писателя Роберта Музиля, не происходит ничего негативного: однажды обретенное человечеством уже не может быть им утрачено, но оно начинает жить собственной жизнью. Так и с феноменом города. Город напрямую связан с конкретно-историческим обществом, в котором он возникает, развивается, изменяется, приспосабливаясь к изменившейся внешней среде, или же исчезает совсем. При этом рост и всесторонняя активность города – необходимые условия экономического и социокультурного прогресса конкретной территории.

[1] Более подробно с техническими параметрами выполненного исследования, а также его результатами можно ознакомиться на официальном сайте ЦСМИ «Аналитик» по адресу: http://socio-research.ru/

К концу XX века стало очевидно, что город и урбанизация – основные составляющие процесса социокультурного развития общества, на которое они могут оказывать разное влияние: и позитивное, и негативное. Иначе говоря, город и урбанизация могут по-разному участвовать в развитии общества, способствовать ускорению или же, напротив, тормозить процессы его трансформации. Город как социокультурный феномен прошел долгий путь в своем историческом развитии. Понятия «город» и «урбанизация» отражают и определяют реальность и одновременно целостность такого феномена, каковым является городская эволюция, по таким составляющим, как социально-пространственная, социально-экономическая, культурно-историческая. Однако следует иметь в виду, что урбанизация как социальный процесс не сводима только к проблеме городов. В свою очередь, город – только одно из проявлений урбанизации. Данное положение хорошо иллюстрируется мнением В. Л. Глазычева: «город как точка, как физическое тело, обладающее сложной организованностью, и как звено социального процесса урбанизации» [7, с. 57].

Наиболее распространенная дефиниция урбанизации такова: «урбанизация – исторический процесс развития механизма городского устройства, который заключается в росте городов, увеличении доли городского населения и расширенном воспроизводстве городского образа жизни» [37, с. 1145]. Урбанизация как социально-демографический феномен определяется взаимодействием трех факторов [35, с. 684]: 1) естественным приростом численности городского населения; 2) миграционным приростом (перераспределением сельского населения в пользу городов, обладающих экономической притягательностью, преимуществами в развитии социальной инфраструктуры и т. п.); 3) административно–территориальными преобразованиями населенных пунктов иного статуса. Частично рост городов происходит также за счет формирования более или менее широких пригородных зон и урбанизированных местностей. Условия жизни населения в этих районах все более сближаются с условиями жизни в больших городах, являющихся центрами тяготения этих зон.

В настоящее время, когда все чаще в разных областях науки встречаются попытки осмыслить общественное развитие вне привычного формационного подхода, в рамках иных концепций, достаточно плодотворным для изучения урбанизации оказывается использование антропокультурного подхода, имеющего немалые традиции в истории отечественной науки. В данном случае «мерой всех вещей» становится человек, который во всем своем многообразии принимается в качестве исходного звена для изучения глобальных процессов. Мы разделяем мнение Ю. Л. Пивоварова о причинах урбанизации, которая во второй половине XX века приобретает невиданные темпы и масштабы. Он пишет: «…становится все более очевидным, что причины урбанизации не сводятся к производству, расселению, ресурсам или территории (хотя все это очень важные факторы), а складываются из многомерной совокупности параметров жизни человека, прежде всего связанных с развитием культуры и цивилизации в их широком понимании» [27, с. 13].

Напомним, что проблема городов уже давно является предметом научного познания, а не только сегодня, когда города превратились в «среду обитания» и «постоянное место жительства» большей части жителей планеты. Правда, только с конца XIX в. город, а спустя полвека, урбанизация становятся самостоятельными и полноправными объектами изучения.

Основные характеристики поселения как социального явления заключаются в следующем: а) пространственная координата (поселения рассматриваются в пределах определенных территорий: регион, страна, континент, весь мир); б) временная координата (поселение – это всегда определенная совокупность людей – пусть даже сезонно [31, с. 864] – в одно и то же время проживающих на данной территории). Понятно, что пространство и время – это параметры, общие для всех явлений. В качестве третьей, сущностной характеристики поселения, на наш взгляд, следует признать его социальность как необходимость обеспечения «неразрывного единства фрагментированных единиц человеческого бытия и коллективных форм их существования» [37, с. 989]. Данная характеристика – это признание того, что поселение – это именно социальное явление, а не какое-либо иное – экономическое, политическое и т.п. Опираясь на «человеческое пространство-время» В. И. Вернадского, можно заключить, что поселение – это территориально-пространственное образование, отражающее в особых, специфических формах закономерности организации и развития социального пространства, лучшим свидетельством чего выступает, опять-таки, история. Расселение людей эволюционировало от крайней дисперсности расселения в условиях первобытного общества (архаичной стадии демографической истории человечества) до высокой концентрации в наше время. Общество породило в ходе исторического развития несколько видов поселений: деревни, села, поселки, малые, средние, крупные и сверхкрупные города, агломерации и конурбации, мегаполисы. По мере развития цивилизации нарастала роль миграции и городов в формировании основных центров расселения.

История свидетельствует, что число «степеней свободы» для первых (исторически) типов поселений значительно меньше, чем для последних. Необходимость обращения к социальному контексту пространственных характеристик определяется самой природой городов: в своей сущности города – это социальные феномены.

С древнейших времен и затем на протяжении многих и многих веков люди селились в местах безопасных, достаточно комфортных и, говоря современным языком, богатыми «продуктами питания». Проводя археологические раскопки, историки, например, для Нижневолжского региона, фиксируют наличие таких фактов. «Местоположение неолитических стоянок свидетельствует о том, что долговременное обитание населения в засушливых нижневолжских степях тогда было возможно в основном в долинах малых рек, имеющих “свой микроклимат, который отличается повышенным увлажнением и теплообеспечением по сравнению с окружающей местностью”, и являющихся “достаточно уникальными в смысле богатства и разнообразия растительного и животного мира”» [3, с. 224]. Иными словами, природно-географический фактор долгое время выступал в качестве

основного «естественного ограничителя» и «естественного регулятора» как производства продовольствия и технического сырья, так и роста численности сельского и городского населения и процентного соотношения между ними. Тот же природный фактор определял то положение, что экономической основой любого доиндустриального общества и его городов оставалось земледелие, несмотря на то, что успешно могло развиваться ремесло, процветать торговля. Понадобился достаточно большой исторический промежуток времени, чтобы уже социальный фактор стал преобладающим в росте численности городского населения, а социальное пространство формировало новые качественные характеристики человека.

Как же шло развитие древних городов на территории Нижнего Поволжья? Ответ на этот вопрос дают как письменные источники средневековых авторов, так и обнаруженные в результате многолетних раскопок на территории региона археологические находки – прямые «свидетели» того времени [30, с. 45-57; 32].

Городская культура Золотой Орды. В результате монгольского нашествия степи Нижней Волги стали центром нового государства – Улуса Джучи или Золотой Орды. Здесь выросли его основные города (в том числе и столица), которые возникли как бы в одночасье, «ханской волей»[1], и так же быстро закончили свое существование, как только верховная власть ослабла. Это было недолгое, но «пышное», красивое и необычное для того времени явление – среди бескрайней степи, «кочевого мира», стояли открытые всем ветрам, не имевшие первоначально никаких укреплений, надменные в своей беззащитности крупные городские поселения. В городской культуре Золотой Орды, группировавшейся на Нижней Волге, Среднем Дону, Северном Кавказе и Крыму, как в зеркале, отразились достижения архитектуры Средней Азии.

Образование Улуса Джучи – Золотой Орды. В итоге пятилетней войны (с осени 1236 г. по весну 1241 г.) на землях Волжской Булгарии, Северо-Восточной Руси и половецких кочевий, после похода на Южную Русь и в Западную Европу (до весны 1243 г.) образовалась могучая кочевая держава, входившая первоначально в состав Монгольской империи – Улус Джучи (или Золотая Орда). В административно-политическом отношении она делилась на правое и левое крылья, а те – на более мелкие владения – улусы. Хозяевами там были члены клана Джучи (отца Бату-хана) – улусы Шейбана (Шибана), Дешт-и-Кыпчак, Хорезм, Кок-Орда и др. Основателем этого государства был внук Чингиз-хана, сын Джучи – Бату-хан – талантливый полководец, властный и жестокий правитель, умный политик, деяния которого современники сравнивали с делами «великого потрясателя вселенной» – Чингиза.

Золотоордынские города. В середине XIV века в Золотой Орде существовало развитое ремесленное производство (косторезное, керамическое, стеклодельное бронзолитейное, ювелирное и др.), находившееся на т.н. «мануфактурной» стадии – поточное производство, например, керамических сосудов с разделением труда между участниками их изготовления, но без применения машин (так наз. «карханы»). Возникнуть и развиваться подобное ремесленное производство могло лишь в городских центрах, которые возникли на «пустом месте», в степях, где до золотоордынских ханов были слабые традиции оседлости, очень мало поселений. Большинство «новых городов» было выстроено на совершенно новых местах – на пустынных берегах рек. В «старых» городах хозяйственная жизнь была только приостановлена монгольскими завоеваниями, и они довольно быстро возродились, став на первое время главными центрами ремесла и торговли в новом молодом государстве. Ханы и аристократия вначале почти не вмешивалась в их дела, предоставляя управление оседлым населением наместникам из центра монгольской империи – Каракорума.

Ставка Бату, а затем и Берке представляла собой вначале именно ставку, «кочевой город» из юрт. Он воспроизведен со всей возможной точностью на съемочной площадке фильма о жизни неоднократно бывавшего в Золотой Орде митрополита Алексия близ с. Селитренное [41, с. 85], на месте которого некогда располагалась главная столица Золотой Орды – г. Сарай ал-Махруса («дворец богохранимый») [40]. Но вскоре, особенно в связи с исламизацией Орды при хане Узбеке (1312–1342 гг.) резко возрос их интерес к городской жизни, организации крупных ремесленных мастерских, участии в деятельности крупнейших торговых кампаний и т.д.

В первой половине XIV в. золотоордынские ханы с лихорадочной поспешностью строят свои новые города в Нижнем Поволжье, представлявшем собой удивительно удачное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, удобных для выпаса огромных стад и вольного кочевания. К тому же новые города не вызывали воспоминаний о былом делении власти (и, соответственно, доходов) с каракорумскими чиновниками.

Хан – градостроитель Узбек был ярым сторонником ислама. Приняв ислам, он воспринял и всю исламскую городскую культуру. Интересно отметить, что, вводя ислам в качестве государственной религии в Орде, Узбек столкнулся с противодействием части знати. Некоторые ордынские царевичи, беки и нойоны, не пожелавшие сменить религию и предать веру отцов – язычество, были казнены. Вначале, правда, язычники попытались возражать Узбеку, заявив ему: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и исповедания и каким образом мы покинем закон и Ясу Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?» [38, с. 197, 385, 510; 39, с. 100, 104]. Ответом были немедленные казни. Именно тогда часть ордынской знати бежала на Русь, влив первый значительный заряд ордынской крови в будущую великорусскую

[1] В данной связи напомним, что приметой нашего времени становится «блуждание» столиц – главного города государства, обычно места пребывания высших государственных органов власти, центральных учреждений и ведомств. Так, все существующие в современном мире столицы могут быть разделены на две категории. Первая категория – это столицы исторические (Рим, Париж, Москва), вторая – столицы «сфабрикованные», искусственные (Бразилиа, Санкт-Петербург). Выполняя сходные государственные функции, исторические и умышленные «главные города страны» играют разные исторические и культурные роли, выяснение которых, на наш взгляд, может явиться целью отдельного научного исследования.

народность. А хан Узбек, утвердившись на престоле, приказал строить города – часть мусульманской культуры. На Нижнюю Волгу были согнаны тысячи ремесленников из Руси, Кавказа, Крыма, Болгар, но, главным образом, Средней Азии. И в считанные десятилетия правый берег Волги до Волгограда и левобережье Ахтубы до самого Каспия становятся широким поясом городской жизни в бескрайней степи [13].

Внешний вид золотоордынского города. Каким же был «типовой» золотоордынский город первой половины XIV в., какими были его улицы, здания, дворцы? Ханских дворцов в столичных городах до сего времени не сохранилось. В 2010 г. на средства патриархии близ села Селитренного с учетом новейших археологических и архитектурных исследований, а также данных письменных источников была построена реконструкция основных кварталов крупного золотоордынского города, в том числе – внешнего вида ханского дворца с монументальным порталом.

Золотоордынские города, судя по раскопкам и данным средневековых восточных хронистов, имели усадебную структуру, в них нет сплошных жилых кварталов. Усадьбы монгольской знати становятся дворцами вельмож – «секретарей» - и обрастают торгово-ремесленным пригородом. Часть кочевой знати превращается в чиновничье-вельможную верхушку города, невольничьи кварталы становятся кварталами городского плебса. Раскопано множество землянок, однокомнатных и многокомнатных домов, усадеб, а также мечетей, в том числе несколько соборных, мавзолеев (мазаров) и бань. Часть главных улиц столиц и крупных городов имела арыки-каналы глубиной до 1,5 м.

Богатые и культовые здания, а также погребальные *мазары* были облицованы голубой, лазоревой, синей плиткой, украшены богатейшим архитектурным декором (на реконструкции у с. Селитренное облицовка цветной плиткой не воспроизводилась из экономии и вследствие технологических трудностей, а вот элементы декора там присутствуют). Скажем, цветные мозаики на кашине покрывали большие плоскости зданий и составляли большие панно, фризы, карнизы и т.п. Иногда мозаичные элементы дополнительно орнаментировались узорами из золотой фольги на красной основе. В строительстве применялись поливные, кашинные и красноглиняные кирпичи, резные терракотовые плитки, майоликовые изразцы, кашин и т.п. *Окраинные* же *районы*, возможно, напоминали собой типичный среднеазиатский город с внутренними двориками, плосковерхими или шатровыми домами, выходившими глухими стенами на улицы.

Интерьеры. В золотоордынских домах почти не было мебели – ее заменяли устланные кошмами, теплые с одного края, суфы и различные дополнительные конструкции на полу и на суфах.

Интересно, что стены некоторых построек возводились поспешно и грубо, клали их неравномерно, прямоугольная планировка не выдерживалась (что поделать, строительный бум, спешка!). Издалека привозили мрамор и использовали его, не понимая особенностей этого строительного материала. Не поняв назначения, как подставку под столб с Кораном, использовали в соборной мечети Водянского городища капитель ранневизантийской колонны.

Но при этом золотоордынцы владели приемами домостроительства и правильно рассчитывали высоту и ширину стен, тяжесть перекрытия, умели возводить стены и купола. Они использовали строительные приемы и традиции многих народов, главным образом покоренных ими.

Культура городского населения. Наибольший расцвет золотоордынских городов относится, как уже отмечалось, ко времени правления ханов Узбека и Джанибека (1312–1358 гг.). В это время резко возрастает аппарат центральной власти. Образуется крупный разряд чиновничества. В городах сидели «даруги» – наместники, выходцы из аристократических, в прошлом кочевых родов. Более низкое городское чиновничество – это «диван-битикчи», т.е. секретари или писцы палат, «бакши» – простые писцы, «тамгачи» – таможенники, сборщики налога-тамги, «побережники» – видимо, сборщики налога с судов, приставших к берегу. Известны также «базарде-турханы» – блюстители порядка и надсмотрщики на базарах. Все эти многочисленные чиновники просто в силу своего служебного положения обязаны были знать «*тюрки*» – тюркский язык основной массы населения и арабскую грамоту. Арабским языком пользовались и «толкователи Корана» – огромная армия «кади» – судей, знатоков шариата, мулл и прочих служителей культа. И, конечно же, горожанами были многочисленные купцы – как свои, так и приезжие, ремесленники, невольники и прочие слои зависимого населения. Временными (хотя иногда и жившими в столичных городах по нескольку месяцев и даже лет) были многочисленные послы, правители подвластных территорий (в т.ч. русские князья и митрополиты).

Грамотность. В 1967 г. близ окрестностей второй столицы Улуса Джучи – Сарай-ал-Джедида (Царевское городище) было раскопано погребение такого «грамотея» – «бахши» (писаря). В захоронении наряду с обычными в погребении золотоордынца вещами – стременами, удилами, берестяным колчаном, кинжалом и т.д. - были обнаружены и письменные принадлежности – чернильница в кожаном футляре и кожаная трубочка для хранения стила – палочек, которыми пользовался древний писарь. Еще одним свидетельством в пользу грамотности части городского населения Золотой Орды и знакомства его с арабским языком и исламской культурой являются находки с Водянского городища (окраины современной Дубовки) – фрагменты сосуда с керамической надписью и бронзовая пластина с арабской надписью.

Ремесленные производства. Ремесло в каждой средневековой цивилизации – один из важнейших составляющих ее элементов. В золотоордынских городах изучено много остатков ремесла, прежде всего косторезного, керамического, стеклодельного и бронзолитейного.

Косторезное ремесло. Ассортимент изделий косторезов был не широк. Это главным образом рукоятки, обкладки и накладки, навершия, в частности, для ножей, часто с циркульным или резным орнаментом. Обращают на себя внимание костяные обкладки колчана, украшенные растительно-зооморфным орнаментом с изображениями собак, оленей и других животных. Некоторые исследователи считают, что такие вот

художественные изделия появляются в наших степях после монгольского нашествия и исчезновения половецкой знати, когда прекращается производство каменных изваяний, а мастера – камнерезы начинают изготавливать костяные изделия. Косторезы делали также круглые точеные рукоятки кинжалов. Рукоятки ножей орнаментировались иногда рельефными фестонами.

Производили в Золотой Орде и костяные стрелы, накладки на луки. На ордынских городищах довольно часто встречаются костяные изделия в виде щипчиков, двусоставные, обычно орнаментированные со щитком на конце одной лопасти. Такие вещи известны в XIV в. на Руси, Балканах, на Переднем Востоке, в Сибири. Есть предположение, что они служили весами типа безмена для взвешивания небольших предметов, может быть, монет. Изготовлялись из кости разного вида проколки, ножи, кочедыки, копоушки, бляшки, пронизки, пластины, игольницы. В косторезном ремесле использовались приемы выточки изделия на токарном станке, пилка, резание ножом, полировка, гравировка, в том числе циркульным резцом.

Керамическое ремесло. В золотоордынских городах самым массовым видом остатков ремесла были остатки керамического ремесла. Оно же дает и больше всего памятников прикладного декоративного искусства. Производилась огромная масса золотоордынской керамики в специализированных предприятиях – гончарных мастерских. Одна такая мастерская была обнаружена на Царевском городище в районах обитания рядового населения. Здесь изготовлялись заготовки для мозаики и детские игрушки. Два горна для обжига обнаружены в одной из усадеб в пригороде того же городища. Ряд горнов открыт также на Водянском городище раскопками ПАЭ, А. Г. Мухамадиева и Е. П. Мыськова. Исследование браков и отходов в этих мастерских показало, что почти все виды поливной и неполивной керамики изготавливались в золотоордынских городах. Существовало, очевидно, три типа мастерских – индивидуальные с узкой специализацией, усадебные и мануфактуры, называвшиеся на востоке «кархана», где были объединены несколько десятков ремесленников, возможно, рабов. Во всех этих мастерских при обжиге сосудов использовались трехлучевые подставки для обжига.

Золотоордынская керамика делится на поливную и неполивную, причем неполивная красноглиняная керамика составляла 80–90% всей керамики, находимой в бытовых комплексах. Изготовлялась она на гончарном круге и была весьма разнообразной. Особенно разились размеры и форма кувшинов: есть двуручные амфоровидные сосуды с плоским дном, кувшины с носиком и без него, а также так называемые чайники с внутренним клапаном-шариком. В больших количествах встречаются миски, чаши и тарелки, кубки, хумы, туваки (детские горшочки) и копилки.

Изготавливались водопроводные трубы – кубуры, светильники, сосуды с ситечком (мы считаем их блохоловками – внутрь клалась клейкая приманка и его помещали под одежду или покрывало). Изготовлялись также полые шары неясного назначения с отверстиями (копилка?). Делали ордынские мастера и крышки для глиняных печей-тандыров, в которых пекли лепешки.

С многих золотоордынских городищ известны сфероконусы, которые изготавливались из серо-зеленого очень плотного теста. Вся поверхность этих сосудов покрыта отпечатками штампов в виде ромбов, кружков или овалов (кольчужный орнамент), вихревых розеток или «пчелиных сот». Очевидно, они использовались для хранения вредных веществ, например, ртути.

Изготовлялись ордынскими гончарами и строительные кирпичи, как неполивные прямоугольные, так и фигурные, покрытые поливой. Любопытен наносимый на неполивные красно- и белоглиняные сосуды рельефный растительный орнамент с цветком-розеткой в центре, на внешней части дна окруженный сложным геометрическим орнаментом из завитков, а ближе к краю – растительно-геометрическим орнаментом, характерным для византийского искусства. Встречаются и большие глиняные фляги для воды с двумя ручками.

Многие неполивные сосуды имеют особые знаки. Большая часть их (90%) нанесена была на ручки кувшинов после обжига. В отбросах гончарных мастерских таких знаков нет. По мнению ряда исследователей, их наносили не мастера и не владельцы. Весьма вероятно, что это знаки торговцев, но возможно, что они наносились сборщиками торговых налогов – тамги.

Поливная, или глазурованная, керамика – ярчайшее и характернейшее проявление цивилизации и культуры золотоордынского города. Быт средних и бедных горожан был украшен этой многокрасочной посудой, так разительно отличающейся от однотонной посуды Древней Руси. Поливная керамика ярко выразила общий стиль искусства того времени, те художественные явления, которые были связаны с бурной эпохой образования и развития монгольских городов. В ней хорошо выявились синкретизм и смешанность культуры золотоордынского города. Поливная керамика была самой массовой художественной продукцией, отражавшей социальную психологию и вкусы и мощно влиявшей на них, заполнявшей рынки и дома. Это были изделия развитого ремесла, оснащенного всеми техническими достижениями гончарного дела того времени.

В этой области культуры на территории Нижней Волги столкнулись три мощных течения – из стран мусульманского мира – прежде всего Ирана и Средней Азии, из Византии, Херсонеса, Восточного Закавказья, третье – из Центральной Азии и Дальнего Востока.

Обо всех орнаментальных мотивах, украшающих золотоордынскую керамику, рассказать невозможно. Остановимся лишь на наиболее характерных. К очень распространенным мотивам относится центральный цветок, вокруг которого развивается растительный орнамент из побегов. Иногда цветок заменяют шестиконечной фигурой или помещают внутрь ее, а вокруг располагают подобный же растительный орнамент или полосу «павлиньего глаза». Часто в центре располагается другой элемент декора – цветок лотоса или лотосовый куст, очень распространенный в Золотой Орде после монгольского нашествия.

Любопытна поливная чаша из подъемного материала 1992 г. с Водянского городища. Снаружи она украшена кобальтовым (синим по белому) растительным орнаментом. С внутренней же части донышка сохранилась часть изображения животного, а стенки украшены арабской надписью с искаженным словом «успех» и

геометрическим орнаментом. Знать не столь уж определяющим было в XIV веке влияние ислама, запрещающего изображать животных, на жизнь и быт золотоордынских городов, раз поместили на сосуде изображение зверя.

На некоторых чашах без рельефа по внутренней стороне расположены полосы, расходящиеся от центра днища. Пространство между ними занято обычно изображениями растений либо геометрическими фигурами.

Золотоордынское керамическое производство испытывало и дальневосточное, в основном китайское, влияние. Именно в XIV веке, в период правления в Китае монгольской династии Юань, два брата-ремесленника открыли в Поднебесной особую технику изготовления фарфоровых изделий – селадон. Существует красивая легенда о ханской дочери, полюбившей одного из братьев, трагической развязке этой романтической истории и потере секрета производства селадона после смерти братьев. Китайский селадон породил в золотоордынских городах подражание – кашинные сосуды, иногда чаши с волнистым краем, фляги, покрытые непрозрачной салатового цвета поливой – так называемый «псевдоселадон».

Стеклоделие. Наряду с развитым керамическим производством в городах Золотой Орды существовало и изготовление стеклянных изделий, высоко ценимых в эпоху Средневековья. Стекло, потребляемое в золотоордынских городах, было двух видов – с добавками свинца и без него. Иногда добавлялись окиси олова для придания свинцу непрозрачности. Красителями служили те же материалы, что и для керамики – окиси меди, кобальта, свинца, железа, марганца. Стекло для окон изготовлялось без примеси свинца.

На ордынских городищах обнаружены мастерские по производству стеклянных бус, подвесок, перстней и браслетов; найдено и много стеклянного шлака. Здесь изготовлялись стеклянные бусы, встречаемые в находках сотнями, довольно разнообразные по форме. Делались также стеклянные вставки перстней, из прозрачного и глухого стекла. Они вправлялись в металлические перстни в качестве замены драгоценных и полудрагоценных камней. Изготовляли их так: капали на плоскую поверхность жидкое стекло и оно, застывая, приобретало требуемую форму.

Стеклянные сосуды золотоордынского производства отличаются бесцветным прозрачным стеклом обычно плохого качества. Сосуды изготовлялись свободным дутьем или дутьем в форму, иногда орнаментировались наложением стеклянных нитей или гравировались. Стеклянные бусы имеют аналогии на Руси, в современных Золотой Орде кочевнических курганах степи, Центральной и Средней Азии, Волжской Болгарии. В мордовских древностях, Херсонесе золотоордынские стеклянные бусы составляли часть широко распространенной стеклянной бижутерии XIII-XIV вв. Состав стеклянных изделий имеет аналогии в Средней Азии.

Бронзолитейное производство. Ремесленники покупали медь и бронзу в виде слитков, имевших иногда вид согнутого стержня, прямоугольного в сечении, обрубленного с одного края и заостренного с другого. В числе находок на Царевском и Селитренном городищах имеются товарные слитки бронзы и свинца. Слитки рубились на кусочки, которые и шли на плавку изделий. На Водянском городище найдена формочка для отливки сразу нескольких перстней, причем литники от трех полостей соединены вместе. Рядом на той же стороне этой формочки имеется вырезанная полость для отливки подвески, а на противоположной стороне – полость для литья круглого медальона, фигурного и какого-то роговидного украшений. Для быстрого заполнения металлом литейной полости для отливки подвески к ней вели два литейных рукава от одного внешнего отверстия, в которое заливался расплавленный металл.

Часто встречаются бубенчики с прорезями: как цельнолитые, так и спаянные из двух половинок, с вертикальным и горизонтальным швом. Маленькие бубенцы могли использоваться в качестве украшений одежды. Ботала-бубенчики для скота отливались вместе с железной погремушкой внутри. Техника этого литья была хорошо известна в Древней Руси и оттуда была, видимо, заимствована золотоордынскими ремесленниками.

Массовым было производство круглых зеркал, изготовлявшихся или из биллона, или из специального светлого сплава. Одна из сторон покрывалась орнаментом, другая – полировалась. Край обрамлен или валиком, или высокой закраиной, или широким плоским бортиком (как у китайских зеркал). Иногда зеркала имели фестончатый контур, что также было подражанием китайским типам зеркал. Зеркала иногда, но редко, имели ручку сбоку, а в центре обычно – выступ или петлю. Встречаются зеркала с простыми геометрическими орнаментами: в виде концентрических окружностей, радиально-круговых композиций, розетки из пересекающихся дуг, розетки, окруженной ромбическими ячейками с точками, креста с розетками между концами и со спиралями по краю, с зигзаговидным орнаментом между концентрическими окружностями и т.п. Перечисленные композиции собственно золотоордынские. Это зеркала с иероглифами; с изображением животных, бегущих по кругу с дополнительным растительным орнаментом; с орнаментацией в виде сетки из четырехлепестковых розеток; с изображением драконов, часто с фестончатым краем; с двумя или четырьмя рыбами. Группа зеркал имеет орнаментацию, восходящую к ирано-месопотамским и среднеазиатским традициям.

Собственно золотоордынские орнаменты на зеркалах представлены сложными плетениями с тюльпановидными цветами и растительными побегами вокруг шестилепестковой розетки в центре. Это самые многочисленные золотоордынские зеркала. Имеются зеркала с орнаментом в виде растительного побега, облегающего кольцевую зону вокруг центрального выступа; зеркала, соединяющие китайский мотив рыб с арабской надписью по краю и растительным побегом; зеркала, имеющие выступ в центре и шесть круглых медальонов, окруженных точечными ободками с арабскими надписями в две строки в каждом; зеркала с четырьмя многолепестковыми розетками, которые окружены волнистыми линиями и включены в крестовидную композицию. Зеркала носили в специальных чехлах.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно представить достаточно полно свидетельства того, что зарождавшиеся в степях Нижнего Поволжья город и городская культура оказали значимое влияние на процессы урбанизации в регионе. Однако составить общее впечатление о том, что пути культур сошлись в волжских степях и теперь до сих пор отражаются в «зеркалах» современных городов, в том числе и Волгограда, вполне возможно.

Список литературы

1. **Авдиев В. И.** История древнего Востока. М.: Госполитиздат, 1953. 758 с.
2. **Античная Греция. Становление и развитие полиса.** М.: Наука, 1983. Т. 1. 422 с.
3. **Басовская С. Ю.** Изучение возможности рекреационных ресурсов малых рек (на примере г. Волгограда) // Материалы XI и XII краеведческих чтений. Волгоград: ВолГУ, 2002. Вып. 7. С. 223-224.
4. **Беляева Л. А.** Динамика уровня жизни в России и регионах: ловушки переходного периода // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Смоленск, 6-9 октября 2009 г.). Смоленск: Универсум, 2009. С. 23-30.
5. **Беляева Л. А.** Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33-42.
6. **Винокуров А. И.** Социокультурные ограничения развития Смоленской области // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Смоленск, 6-9 октября 2009 г.). Смоленск: Универсум, 2009. С. 10-18.
7. **Глазычев В. Л.** Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984. 180 с.
8. **Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики.** М.: Наука, 2001. 392 с.
9. **Грюнебаум Г. Э. фон.** Классический ислам. Очерк истории (600-1258) / пер. с англ. М.: Гл. редакция восточ. лит-ры Изд-ва «Наука», 1988. 216 с.
10. **Докомош В.** Древний Восток. У начала истории письменности. Будапешт, 1979. 160 с.
11. **Дулина Н. В.** Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования / под общ. ред. проф. З. Т. Голенковой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 387 с.
12. **Дулина Н. В., Наумов И. Н.** О становлении городской культуры Нижнего Поволжья и речных путях региона // Водные ресурсы Волги: история, настоящее и будущее, проблемы управления: материалы II межрег. науч.-практ. конф. (25-27 октября 2012 г.). Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2012. С. 279-285.
13. **Егоров В. Л.** Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985. 244 с.
14. **Заборова Е. Н.** Социологический анализ городского социального пространства: дисс. … докт. соц. наук. Екатеринбург, 1997. 339 с.
15. **История древнего мира.** М.: Просвещение, 1981. Ч. II. Греция и Рим. 431 с.
16. **История стран зарубежной Азии в средние века.** М.: Гл. редакция восточ. лит-ры Изд-ва «Наука», 1970. 640 с.
17. **Куманецкий К.** История культуры Древней Греции и Рима / пер с пол. М.: Высшая школа, 1990. 351 с.
18. **Лапин Н. И.** Турбулентно-застойные сферы региональных сообществ и проблема институтов их саморазвития // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Смоленск, 6-9 октября 2009 г.). Смоленск: Универсум, 2009. С. 40-51.
19. **Лилли С.** Люди, машины и история / пер. с англ. М.: Прогресс, 1970. 480 с.
20. **Лимонов Л. Э.** Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии / науч. ред. О. П. Литовка. СПб.: Наука, 2004. 270 с.
21. **Мамонтов В. И.** Далёкое прошлое Волго-Донских степей: научно-популярная версия истории края от эпохи камня до раннего Царицына. Волгоград: Принт, 2010. 208 с.
22. **Маслова Т. Ф.** Социальное самочувствие как показатель социокультурной интеграции // Социальное самочувствие населения в современной России: тезисы докладов всерос. науч.-практ. конф. (4-5 октября 2010 г., г. Ставрополь) / отв. ред. Г. Д. Гриценко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 131-134.
23. **Медков В. М.** Демография: учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 576 с.
24. **Мировая урбанизация: географические проблемы**: сб. статей. М.: МФ ГО СССР, 1989. 116 с.
25. **Наумов И. Н., Дулина Н. В.** Роль городов в процессах исторических переходов (региональный аспект) // Культурное пространство регионов России: тезисы участников всерос. науч.-практ. конф. (13-16 мая 2012 г.) / ФГБОУ ВПО «Волгоградский гос. ун-т». Волгоград, 2012. С. 108-109.
26. **Новые проблемы социокультурной эволюции регионов**: сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (12-15 октября 2011 г.) / Мин. образ. и науки России; Казан. нац. исслед. технол. ун-т. Казань: КНИТУ, 2011. 444 с.
27. **Пивоваров Ю. Л.** Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 12-22.
28. **Российская социологическая энциклопедия** / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. 672 с.
29. **Сафонов В. Н.** И. А. Ильин о взаимоотношениях России и Запада // Социология региона: успехи, проблемы, перспективы: сб. материалов регион. заочной науч.-практ. конф. (г. Ульяновск, 14 ноября 2011 г.). Ульяновск: Издатель ИП Василькина М. Н., 2012. С. 184-189.
30. **Скрипкин А. С., Луночкин А. В., Курила И. И.** История Волгоградской земли от древнейших времен до современности. М.: Планета, 2011. 224 с.
31. **Советский энциклопедический словарь** / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 4-е. М.: Советская энциклопедия, 1988. 1699 с.
32. **Соколова Е. В., Наумов И. Н., Дулина Н. В.** Города и городская культура Золотой Орды // Край родной, навек любимый...: межвуз. сб. науч. тр. по итогам студенческих краеведческих чтений. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012. Вып. 2. С. 175-184.
33. **Социальное самочувствие населения современной России**: тезисы докладов всерос. науч.-практ. конф. (4-5 октября 2010 г., г. Ставрополь) / отв. ред. Г. Д. Гриценко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 268 с.
34. **Социокультурные основания стратегии развития регионов России**: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Смоленск, 6-9 октября 2009 г.). Смоленск: Универсум, 2009. 296 с.
35. **Социологическая энциклопедия**: в 2-х т. / Национальный общественно-научный фонд; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.

36. Социология региона: успехи, проблемы, перспективы: сб. материалов регион. заочной науч.-практ. конф. (г. Ульяновск, 14 ноября 2011 г.). Ульяновск: Издатель ИП Василькина М. Н., 2012. 234 с.
37. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. М.: Книжный дом, 2003. 1312 с.
38. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: в 2-х т. СПб., 1884. Т. 1. 588 с.
39. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: в 2-х т. М. - Л., 1941. Т. 2. 308 с.
40. Фёдоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 228 с.
41. Шеин О. Астраханская область: путеводитель. М.: Аякс-пресс, 2011. 120 с.

TOWNS ORIGIN IN LOWER VOLGA REGION (OR SOCIAL-CULTURAL RESOURCES AND LIMITATIONS OF REGION DEVELOPMENT)

Nadezhda Vasil'evna Dulina, Doctor in Sociology, Professor
Igor' Nikolaevich Naumov, Ph. D. in History
Department of History, Culture and Sociology
Volgograd State Technical University
iks@vstu.ru

Dmitrii Yur'evich Sharapov, Ph. D. in History
Department of Tourism and Service
Russian State University of Tourism and Service (Branch) in Volgograd
vfmqus@mail.ru

The authors study the social-historical processes of the origin of the Golden Horde medieval towns and urban culture development within Lower Volga region, pay special attention to the significant impact of the local natural-geographical factors of Volga steppes on urbanization, and emphasize social-economic and cultural-historical transformations reflected in the “mirrors” of modern towns development in the region.

Key words and phrases: town; urbanization; urban culture; social history; monuments and places of interest; archaeological sites; handicraft production.

УДК 130.11
Философские науки

В статье проводится сопоставление понятий «объективная мыслительная форма» и «эпистема» с целью определения их связи с общественным бытием. Показано, что возрастание противоречий между индивидуальным и общественным сознанием приводит к отрыву эпистемы от бытия, активизации духовно-творческой деятельности людей и трансформации социальной реальности. Механизмом трансформации выступает формируемое в утопическом сознании представление о счастье.

Ключевые слова и фразы: утопическое сознание; эпистема; объективная мыслительная форма; счастье.

Андрей Николаевич Задворнов, к. филос. н., доцент
Кафедра социальных и гуманитарных дисциплин
Казанский (Приволжский) федеральный университет (филиал) в г. Набережные Челны
egpi-PF@yandex.ru

ВОПЛОЩЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ФОРМ И ЭПИСТЕМ В УТОПИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ©

Объективные мыслительные формы в теории К. Маркса [5] и эпистемы в концепции М. Фуко [7] рассматриваются как структуры, которые определяют условия возможности мнений, теорий в каждый исторический период. Категориальная, логическая форма деятельности мышления для каждого конкретно-исторического этапа остается инвариантной и, как правило, непосредственно не рефлексируется людьми. Несмотря на это, она управляет деятельностью мышления человека как объективный закон, как извне заданная формальная схема.

Объективные мыслительные формы можно отдаленно сопоставить с кантовскими априорными формами рассудка, с тем принципиальным отличием, что первые исторически и социально обусловлены, а потому временны и преходящи. Ряд исследователей (Ж. Доменак, Ж. Кангийем и др.) также обнаруживают общее между кантовскими априорными структурами познания и эпистемой, что дистанцирует М. Фуко от построения лингвистических моделей в левистроссовском смысле и позволяет обнаруживать влияние эпистемы не только в пространстве языка, но и шире, во всех структурах общественного сознания.

© Задворнов А. Н., 2013